

НЕКОТОРЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КАК НАУКИ

Галина Алексеевна АНДРИЕЦ,
младший научный сотрудник Института истории

Философия истории XVIII и первой трети XIX в. была по преимуществу теорией исторического развития. Философы стремились сформулировать цель, движущие силы и смысл исторического процесса как целого, что, в конечном счете, сводилось к открытию общих законов движения.

Во второй половине XIX в. в философской мысли наблюдается переход от описательно-повествовательной истории отдельных событий к изучению сложной эволюции социально-экономических процессов, отношений и структур. При этом мысль об уникальности исторических событий доводится до отрицания возможности каких бы то ни было теоретических обобщений. Методологическая специфика исторического исследования выводилась не столько из конкретного анализа методов, действительно применяемых историками, сколько из общефилософских постулатов. Даже у Риккерта, которого интересовала прежде всего методологическая сторона дела, методология и логика занимают фактически подчиненное место по отношению к философии ценностей.

Методологические дискуссии конца XIX — начала XX в. привели к резкому противопоставлению «индивидуализирующей» истории теоретическим разделам общественного знания. Поскольку они развертывались на фоне интенсивной дифференциации и специализации общественных наук, каждая из которых была весьма озабочена своей предметной и методологической автономией, значение проблемы междисциплинарных «границ» вообще было сильно гипертрофировано.

В философской мысли XX в. выделяются два новых круга проблем: 1) логико-методологическая специфика истории, исследуемая средствами современного логического анализа; 2) новые проблемы и методы исторического исследования, место истории в системе общественных наук. Первостепенное значение приобретает методология. Определение природы исторического знания, границы применения исторических методов — все это подчеркивает важность методологии для исторического исследования, особенно в такой сложной сфере жизнедеятельности общества, как культура.

Дело в том, что полнота знания о строении, функционировании и развитии культуры во множестве ее конкретных проявлений требует согласованных усилий всех изучающих ее наук. Но совместить способы и результаты познания, найти общий язык и тем более организовать совместность своих действий сами эти науки не в силах. Для этого нужен методологический посредник, который бы координировал их усилия. В настоящее время, когда на наших глазах формируется новая парадигма познавательной деятельности, основанная на системном мышлении, когда складываются предпосылки для реализации комплексных междисциплинарных исследований наиболее сложных систем и когда системный подход позволяет философии выстроить соответствующую модель целостного бытия культуры, становится возможным установление связей между всеми отраслями знания, изучающими те или иные фрагменты культуры. Сделать это необходимо для преодоления разобщенности, взаимного непонимания, а нередко и антагонизма множества изучающих культуру наук. Решение этой задачи доступно только философскому взгляду.

Впервые специфику исторических методов подчеркивали представители неокантианства. В дальнейшем эта проблема получила развитие в философии XX в. Несмотря на то, что философская мысль развивается с древнейших времен, мы ввиду достаточно узких границ нашей работы не в состоянии рассмотреть буквально все точки зрения по поводу исторического знания, осветить все логико-методологические концепции исторической науки. Ограничимся рассмотрением взглядов Генриха Риккерта (Баденская школа неокантианства), Вильгельма Дильтея (герменевтика и философия жизни), Мартина Хайдеггера и Карла Ясперса (философия экзистенциализма), Ханса-Георга Гадамера (герменевтика). Также обратим внимание на точки зрения Макса Вебера (немецкий социолог XX в.), Уильяма Дрея (канадский философ XX в.), Фернана Броделя (школа «Анналов») и Питера Ласлетта (английская школа исторической демографии).

Взгляды перечисленных философов по-своему разносторонни и многообразны, поэтому мы будем придерживаться двух основных задач: рассмотреть

специфику исторического метода и специфику сближения истории и других гуманитарных наук.

В работе Г. Риккерта «Науки о природе и науки о культуре»¹ Г. Риккерт пытается развить идеи о спецификации методологии, прояснить «понятие науки о культуре из понятия исторической науки». Он определяет главное различие наук о природе и наук о культуре в том, каким образом те и другие трансформируют воздействие на человека внешнего мира. Науки о природе используют преимущественно «генерализирующий» метод, и в естествознании формулируются законы различной степени общности, в схему которых укладывается фактически констатируемое многообразие мира. Поскольку в рамках этого подхода индивидуальные черты исследуемого объекта не имеют научного смысла, то его применение резко ограничено в сфере человеческой жизни.

Науки о культуре, по Риккерту, преимущественно используют индивидуализирующий метод, который способен дать представление об исторической культуре в неповторимо своеобразном сочетании разнородных эмпирических фактов и социально-нравственных отношений. Остановимся подробнее.

Для исторических наук «действительность распадается на существенные и несущественные элементы», т. е. «на исторически важные индивидуальности и просто разнородное бытие». «Мы можем теперь различать два рода индивидуального: простую разнородность и индивидуальность в узком смысле слова. Одна индивидуальность совпадает с самой действительностью и не входит ни в какую науку. Другая представляет собой определенное понимание действительности и потому может быть охвачена понятиями»². Так в историческом знании важен принцип выбора существенного, как в естественных науках рассматривается действительность с точки зрения общего.

Историк должен уметь отличать существенное от незначительного. В этом смысле важно осознавать «отнесение исторических объектов к связанным с благами культуры ценностям. Там, где нет этого отнесения, события неважны, незначительны, скучны и не входят в историческое изложение, тогда как естествознание не знает несущественного в этом смысле»³. Таким образом, Г. Риккерт называет «исторически-индивидуализирующий метод методом отнесения к ценности в противоположность естествознанию, устанавливающему закономерные связи и игнорирующему культурные ценности и отнесение к ним своих объектов»⁴. Важно отметить, что в этом смысле Риккерт проводит четкую грань между понятиями «ценности» и «отнесение к ценности», утверждая их абсолютно разный смысл. «...Метод «отнесения к ценности» ...который должен выражать собой сущность истории, следует самым резким образом отделять от метода оценки, т. е. значимость ценности никогда не является проблемой истории...

Если история, следовательно, и имеет дело с ценностями, то все же она не является оценивающей наукой. Наоборот, она устанавливает исключительно то, что есть»⁵. По мнению Г. Риккерта, если история высказывает похвалу или порицание (оценивает), то она уже не является наукой о бытии, поскольку похвала или порицание могут быть обоснованы только с помощью имеющегося критерия ценностей, значимость которых уже доказана, а такое доказательство не может быть целью истории. Но запрещать историку оценивать исследуемые им явления, как считает Риккерт, нельзя. «Индивидуализирующая история, как и естествознание, может и должна избегать оценок, нарушающих ее научный характер. Лишь теоретическое отнесение к ценности отличает ее от естествознания, но оно никоим образом не затрагивает ее научности»⁶.

Говоря об объективности культурной истории, Генрих Риккерт утверждает, что если ограничиваться всеобщим признанием культурных ценностей, не спрашивая об их значении, то возникший однажды фундамент исторической науки однажды и разрушится. Поэтому встает вопрос: стоит ли вообще историческому изложению, отличающему существенное от несущественного, приме-

нять предикат истинности? Научная истина должна находиться рядом с тем, что обладает теоретической значимостью. Руководящей точкой зрения при выборе существенного для историка, по мнению Риккерта, остается понятие культурной ценности, что вовсе не угрожает объективности исторического исследования. История, таким образом, есть нечто большее, чем произвольное сопоставление выхваченных фактов, имеющее значение только для того, кто опутан оценками определенного исторического культурного круга. Именно эта часть истории является историей самого естествознания. «Естественнонаучная точка зрения скорее подчинена исторической и культурно-научной, так как последняя значительно шире первой. Не только естествознание — продукт культурного человечества, но также и сама «природа» в логическом смысле есть не что иное, как теоретическое культурное благо, т. е. значимое, объективное ценное понимание действительности человеческим интеллектом, причем естествознание должно даже всегда предполагать абсолютную значимость связанной с ним ценности»⁷.

Таким образом, именно у Г. Риккерта берет начало характерный для первой половины XX в. раскол на две «культуры» — естественнонаучного и гуманитарного знания, именно он отделяет историческое знание от естественных наук.

В работе В. Дильтея «Введение в науки о духе. Критика исторического разума»⁸, следует отметить, что автор формулирует положение, согласно которому естествознание и исторические науки («науки о духе») различаются не по предмету исследования, а по методу, по отношению духа к своему предмету. Неокантианская идея противоположности истории естествознанию приобретает иной вид. Неокантианцы считали необходимым применение в историческом исследовании рационального метода, основанного на «отнесении к ценности». Дильтей провозглашает методом наук о духе непосредственное переживание исторических событий и их истолкование. В его системе «наук о духе» они принимают форму «искусства понимания письменно зафиксированных жизненных откровений». «Если в естествознании всякое познание законов возможно только через измеримое и счетное, то в науках о духе каждое абстрактное положение, в конечном счете, должно получить свое оправдание через связь с духовной жизненностью, как она дана в переживании и понимании»⁹.

Иначе говоря, историк должен не просто воспроизвести истинную картину исторического события, но «пережить» его заново, «истолковать» и воспроизвести. Он воспроизводит не только изменения, происходящие в материальных условиях жизни людей, но и побудительные мотивы исторической деятельности людей. При разработке метода познания истории не следует забывать, что в исторических событиях активно участвуют люди, одаренные сознанием и индивидуальностью, поступающие обдуманно или под влиянием порывов страстей, ставящие перед собой свои индивидуальные цели и стремящиеся к их достижению, в соответствии не только со степенью убежденности, но и своего темперамента. Без этого выяснения невозможно до конца понять, почему то или иное историческое событие приобрело именно такую, а не иную, конкретную во всех деталях форму. Но превращение «переживания» в единственный инструмент историка, по существу, превращает ученого в беллетриста. И Дильтей, понимая это, подчеркивает, что достоверность «переживания», как и «истолкования», совершенно субъективна, а историческая наука в качестве объективной науки невозможна. Признавая историю как субъективную науку, В. Дильтей отрицает преемственность исторического развития, разрывая историю человечества на ряд замкнутых культурных систем, непостижимых друг для друга.

Таким образом, историческая реальность, согласно Дильтею, есть иррациональный жизненный поток, пропущенный через разум и волю людей (он несет на себе печать их мировоззрения). Поэтому, если в естествознании достаточен метод причинно-следственного объяснения, то исследование истории

общества предполагает специфический метод понимания жизненных целей и мотивов деятельности людей. Развивая основные идеи герменевтики, В. Дильтей противопоставляет натуру и культуру, естественные и гуманитарные знания, способствуя вытеснению наук о природе из сферы культуры, или обоснованию дегуманизации естествознания.

Замысел М. Хайдеггера в работе «Время и бытие»¹⁰ состоял в том, чтобы понять историю и историчность человека по-новому и дать им «онтологическое» истолкование. Но это возможно, по Хайдеггеру, только путем применения феноменологического метода. Следуя за Э. Гуссерлем, М. Хайдеггер выводит определение феномена — «себя-в-самом-себе-обнаруживающее». Данное понятие включает в себя отличие его от того, что принято называть «явлением». Явление рассматривается в познании как средство, которое интересует познающего именно потому, что указывает на нечто, лежащее за ним, — сущность. Последняя не может раскрыть себя иначе, как через что-то другое, т. е. опосредствованно. Феномен же сам по себе есть цель познания, познание феномена — непосредственное; в отличие от опосредованного оно, скорее, интуитивное. Понятие феномена, согласно Хайдеггеру, по своему значению первичнее, чем понятие явления.

Мартин Хайдеггер подчеркивает отличие истории от математики, сущность которого сводится к следующему. История как наука подобно всем остальным наукам имеет историю. Следовательно, историческая наука может рассматривать саму себя в смысле ее тематики и методологии. Через такое рассмотрение историография охватывает события, происходящие в науке, какую она является. Правда, историография никогда не охватывает при этом своей сущности в качестве историографии, т. е. в качестве науки. Если же надо высказать нечто о математике как теории, приходится оставить предметную область математики и способ ее представления. Посредством математических расчетов нельзя выяснить, что такое сама математика. Если науке отказано в возможности научно проникнуть в собственную сущность, то наукам совершенно закрыт доступ к правящему в их существовании необходимому. Завершая эту мысль, М. Хайдеггер утверждает, что хотя науки никогда не могут проникнуть в существо науки, все же каждый исследователь как мыслящее существо способен двигаться на разных уровнях осмысления и поддерживать его.

Работа К. Ясперса «Смысл и назначение истории»¹¹ также отличается своей точкой зрения от неокантианства. Здесь речь идет не о двух разных методах, а о различных реальностях: история как наука изучает человека, а потому по своему методу и отличается от естественных наук. Чтобы понять историю, необходимо определиться, что же такое человек. В свою очередь человеческое существование раскрывается через время, через историчность.

К. Ясперс выделяет основные свойства истории: во-первых, она обладает границами, которые отделяют ее от природы и космоса; во-вторых, в истории есть внутренние структуры, формирующиеся в результате превращения простой реальности индивидуального и неизбежно погибающего; в-третьих, история становится идеей целого. Природа же, по мнению Ясперса, находится вне истории, «в качестве вулканической основы истории». История человечества по сравнению с историей растительного и животного мира очень коротка. Общим между историей природы и историей человечества, по Ясперсу, является необратимость процесса их развития во времени. Различие состоит в том, что природа — это процесс, который не осознает себя, осознает его человек. Сознание и преднамеренность не присущи природе. По человеческим масштабам эта история идет очень медленно, она лишь повторение одного и того же. В этом смысле природа неисторична. Поэтому рассмотрение истории с точки зрения того процесса, который происходит в природе, является следствием нашей привычки мыслить в категориях мира природы. Люди, по мнению Ясперса, являются природой и историей одновременно.

В работе Х.-Г. Гадамера «Истина и метод»¹² использование автором категории «понимание» применительно к исследованию в сфере культуры позволяет показать, во-первых, что в этой сфере корректно говорить не о приращении знания, а о событии для человека, исследующего нечто в культуре, его вовлеченности в исследование как способ познания и способ бытия одновременно, а во-вторых, что любой объект исследования в сфере культуры (в отличие от природного объекта) уже является осмысленным.

Говоря о логико-методологических концепциях исторической науки XX в. М. Вебер, У. Дрей, Ф. Бродель, П. Ласлетт отмечают различные точки зрения на историю как науку, подчеркивается специфика сближения истории и других гуманитарных наук.

Говоря о теоретических понятиях социологии как об «идеальных типах», М. Вебер в работе «Критические исследования в области логики наук о культуре»¹³ стремился подчеркнуть факт несоответствия социологических понятий и исторической реальности, условность теоретических конструкций. Но идеальнотипические понятия были для Вебера, прежде всего, средством познания исторически-конкретного. В последующем развитии социологии эта связь была утрачена, и веберовские понятия превратились в формальные классификационные схемы, прилагаемые к любому обществу.

М. Вебер говорит о том, что «вопрос о «значении» в истории индивидуального и роли личности в истории обычно ставится неверно, что «личность» вступает в историческую связь, конструируемую историей, отнюдь не в своей целостности, а только в своих каузально релевантных проявлениях, что историческая значимость конкретной личности в качестве каузального фактора и ее «общечеловеческая» значимость, связанная с ее внутренней ценностью, не имеют ничего общего, что именно «недостатки» человека, занимающего решающую позицию, могут оказаться значительными в каузальном отношении»¹⁴.

М. Вебер отмечает, что все точки зрения рассмотрения культурных объектов, т. е. объектов исторического исследования, ориентированные на «ценности», подвержены изменению. Поэтому новые факты будут становиться исторически «существенными» и каждый раз по-новому. Такая обусловленность «субъективными» ценностями совершенно чужда естественным наукам, и именно в этом, по мнению Вебера, состоит специфическое отличие их от исторического исследования.

Таким образом, заслуга М. Вебера состоит в том, что он преодолел различие между обобщающим методом естествознания и «индивидуализирующим» методом истории: непосредственное индивидуальное переживание, опыт жизни данного человека в определенной ситуации выстраиваются в конструкцию «идеального типа», так что сам этот идеальный тип превращается в компонент сознания личности. Для Вебера «социальное действие» возможно лишь как творческий акт, в котором личность утверждает «смысл» вещей и поступков, синтезирует ценности, делает выбор, соотносит средства и цели.

Новые предметы, проблемы и методы исторического исследования предполагают постоянное и гораздо более тесное, чем раньше, сотрудничество историков с представителями смежных общественных (и даже естественных) наук. Расширение и углубление междисциплинарных связей является, вероятно, одной из главных задач современного общественного знания в целом. У. Дрей в работе «Еще раз к вопросу об объяснении действий людей в исторической науке»¹⁵ обращает свое внимание на теорию исторического объяснения, называя ее «теорией охватывающих законов», и противопоставляет ей свои собственные взгляды по вопросу типических исторических объяснений действий. Дрей защищает модель «рационального» объяснения события на основе анализа мотивов его участников.

По мнению У. Дрея, приступая к объяснению действия, историк обычно сталкивается с целым рядом трудностей, так как он не знает мотивов, лежащих

в его основе. Поэтому, чтобы понять это действие, он стремится получить информацию о том, как данный исторический деятель оценивал свое объективное положение, а также информацию о том, чего он намеревался достичь, предпринимая то или иное действие, т. е. сведения о его целях, планах или мотивах. Следовательно, понимание действия возникает у историка только тогда, когда он устанавливает разумность поступков данного человека в свете его собственных представлений и планов. «...Историка необходимо выявить действительные расчеты деятеля, а не просто расчеты, которые были бы логически правильными в данной обстановке, то можно было бы утверждать, что достаточное в логическом отношении объяснение должно включать в свой состав и некоторое обобщение, связывающее расчеты обоих видов с фактическим поведением человека»¹⁶. Если требовать от исторического объяснения включать в свой состав какой-то закон, который придавал бы ему дедуктивную логическую форму, то под этим законом, по мнению Дрея, понимается некоторое эмпирическое обобщение, имеющее высокую вероятность. Прежде всего историки ищут рациональных, а не нерациональных объяснений. Однако никакая «презумпция» подобного рода не исключает неопределенного и переменного числа случаев нерационального поведения. «В исторической науке в отличие, может быть, от физики, не принято считать, что в принципе все может быть объяснено. Таким образом, любая «презумпция рациональности» оказывается логически совершенно отличной от того, что методологи и логики понимают под охватывающим законом»¹⁷.

То, что у логиков выступает как различие типов научного объяснения, историки обсуждают как проблему соотношения безличных социальных структур и долгосрочных процессов, с одной стороны, и конкретных единичных событий и личностей — с другой. Ф. Бродель в работе «История и общественные науки. Историческая длительность»¹⁸, прежде всего, подчеркивает стремление к синтезу истории с общественными науками. Он утверждает, что науки о человеке переживают общий кризис, что первоочередной задачей оказывается сближение социальных наук. Выход из трудностей общественного знания, запросы и методы которого не вмещаются в рамки традиционной «гуманистики», Бродель видит в расширении его методологических горизонтов, придавая особое значение разработке проблемы исторического времени. В любом исследовании нужно учитывать хронологический масштаб, свойственный данному объекту (одно дело — конкретные события, другое — экономические циклы, третье — долгосрочные процессы и структуры, существование и эволюция которых измеряются столетиями и даже тысячелетиями).

Помимо времени введения в историю событий большой длительности, вторым более полезным ключом, по мнению Броделя, является термин «структура». Для историков — это прежде всего историческая реальность, устойчивая и медленно изменяющаяся во времени. С трудностью выявления исторически долговременных структур, как считает Бродель, приходится сталкиваться только в той области, где исторические исследования добились неоспоримых успехов, а именно в области экономики.

Не притязая на определение истории как науки, Бродель отмечает, что все общественные науки изменяются не только в силу собственного движения каждой из них, но и всей их совокупности, и история — не исключение в этом отношении. «...История — это сумма всех возможных историй, всех подходов и точек зрения — прошлых, настоящих и будущих»¹⁹. По мнению Броделя, ошибочно выбирать только одну из историй, а всеми остальными пренебречь. Необходимо следить за всеми науками о человеке. Именно это делает границы истории расплывчатыми, а интересы историка широкими. Бродель призывает не устанавливать различий между историком и ученым-обществоведом, так как все науки о человеке, включая историю, взаимосвязаны.

Теоретико-методологические поиски историков конкретизируются в их отношении к смежным общественным наукам. Работа главы Кембриджской

группы исторической демографии П. Ласлетта «История и общественные науки»²⁰ выражает мысль о том, что историки не могут успешно трудиться, не используя исследовательских методов и концептуального аппарата смежных общественных наук. Ласлетт показывает относительность выделения истории из числа последних, говорит о взаимосвязи «социетальной» и «естественной» истории, о необходимости сознательной и целенаправленной ориентации исторических исследований на запросы теоретического обществоведения, а также применения в истории структурных и количественных методов, эконометрики, исторической демографии и т. д.

По мнению Ласлетта, изучение истории рассматривалось либо как отправная точка в развитии гуманитарных наук, либо конечная цель иного типа объяснения, либо как единственное, чего можно достичь в плане познания общества. К области интересов историка относились все данные общественных наук, поступающих из прошлого. «Социетальная история, т. е. «история» в обычном и широком значении этого слова, относится к социальным наукам так же, как естественная история относилась или относится к естественным наукам»²¹. Если предметы социетальной истории и общественной истории связаны, то ученый-обществовед и социальный историк могут сочетаться в одном лице.

Таким образом, в системе современного научного знания история, с одной стороны, становится способом рассмотрения различных сфер действительности, оказывая влияние на развитие смежных наук, а с другой, — сама испытывает большое влияние этих наук, смыкаясь с ними в единое знание о человеке, обществе, культуре.

¹ Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре // Культурология. XX век. Антология. М., 1995. С. 69—103.

² Там же. С. 78.

³ Там же. С. 81.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 82.

⁶ Там же. С. 85.

⁷ Там же. С. 100.

⁸ Дильтей В. Введение в науки о духе: Критика исторического разума. М., 1983.

⁹ Там же. С. 86.

¹⁰ Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М., 1993.

¹¹ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994.

¹² Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М., 1988.

¹³ Вебер М. Критические исследования в области логики наук о культуре // Культурология. XX век. Антология. М., 1995. С. 7—54.

¹⁴ Там же. С. 26—27.

¹⁵ Дрей У. Еще раз к вопросу об объяснении действий людей в исторической науке // Философия и методология истории. М., 1977. С. 37—71.

¹⁶ Там же. С. 47.

¹⁷ Там же. С. 50.

¹⁸ Бродель Ф. История и общественные науки: Историческая длительность // Философия и методология истории. М., 1977. С. 115—142.

¹⁹ Там же. С. 128.

²⁰ Ласлетт П. История и общественные науки // Философия и методология истории. М., 1977. С. 199—215.

²¹ Там же. С. 202.

SUMMARY: The author of the article «Some Philosophical Problems of History as a Science» Galina Andrietz calls readers' attention to researches of Russian and foreign philosophers. Galina Andrietz concludes that in the system of modern scientific knowledge history becomes the way of considering different spheres of activity while influencing on the development of closely related sciences. And the history itself is greatly influenced by those sciences.